

НОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Итоги экономического роста и нерешенные проблемы
«Общество и экономика», №9, 2003, стр. 97-105.

Леонид ГРИГОРЬЕВ

В атмосфере предвыборной кампании 2003 г дебаты по экономической политике ушли на второй план, их острота затушевывалась партийными и личными проблемами и амбициями. Как обычно, некоторые кандидаты на различные должности в структурах исполнительной и законодательной власти используют проблемы экономики в избирательной риторике. Поэтому, если говорить о выборе направления развития России – и, соответственно, об экономической политике, – необходимо сначала очистить наше восприятие от конъюнктурной шелухи, чтобы реальные задачи на обозримое будущее оставались в фокусе анализа.

На наш взгляд, основные проблемы, которые встали на пути устойчивого развития и модернизации экономики России, сегодня таковы:

- сочетание трансформационных реформ и необходимости решения реальных проблем развития экономики (ждать формирования благоприятного инвестиционного климата или действовать);
- соотношение промышленной и конкурентной политики; промышленная организация: соотношение характера рынков и мощи рыночных структур;
- безостановочный процесс перераспределения собственности путем слияний и банкротств; низкий горизонт принятия решений значительной частью бизнеса;
- темпы и условия дальнейшей интеграции в мировое хозяйство (в частности, в контексте ВТО);
- голландская «болезнь» и укоренение сырьевой экспортной ориентации экономики в условиях долгожданного подъема;
- возможные субъекты модернизации: государство, промышленные группы, частный средний и малый капитал;
- сокращение роли государства в хозяйственной деятельности при усилении регулирования; бюрократическая нагрузка на бизнес;
- налоговая нагрузка на бизнес (в частности, на малый бизнес и на сырьевой экспорт);
- тарифы естественных монополий, их роль в перераспределении доходов и конкурентных преимуществ между собой (газ – электричество), а также между другими отраслями (уголь, металлы и т.д.);
- экономический рост и социальная структура общества: высокое неравенство доходов, проблема бедности, формирование среднего класса.

Не все из приведенных проблем обсуждаются в предложенных нами терминах или хотя бы осознаются как негативный фактор экономического роста (банкротства, например). Заметим, что достаточно сложный набор проблем, о которых мы говорим, характерен для большинства крупных развивающихся стран. Наши проблемы объединяет как зависимость от технологии проведения

реформ в предыдущие пятнадцать лет, так и длительность времени их решения или – точнее, откладывания. За это время успело вырасти целое поколение.

Многие проблемы переходного периода сегодня, в конце концов, преодолены, но повестка дня по-прежнему огромна. Между тем пример стран, достигших в течение поколения прорыва в решении национальных экономических задач, указывает прежде всего на необходимость стабильности в решении ключевых задач экономической политики на протяжении длительного времени. Возможно, мы тоже стоим перед выбором типа развития с периодом 15–20 лет, в котором критические проблемы страны лежат уже в области создания новой современной экономики, а не преодоления кризиса переходного периода.

На этом пути есть осложнения, которые нужно выделить как серьезные препятствия для роста. Прежде всего – ограничение конкуренции и ориентированное на ренту поведение, что значительно повышает необходимую норму прибыли при выходе на рынок нового бизнеса. Это отсекает от практического воплощения значительную долю нормальных инвестиционных проектов (оцениваемых как «неэффективные»), лишает часть населения возможности заниматься предпринимательской деятельностью, да еще неизбежно стимулирует повседневную массовую коррупцию. Рентное перераспределение доходов смягчает фактическое неравенство между социальными группами, но зато переводит потенциально инвестируемый доход в потребление.

Слабость государства, годами неспособного определить свои приоритеты, вызывает правомерный вопрос: что такое государственная политика? Сумма ли это корпоративных стратегий, которые могут конфликтовать как внутри отраслей, так и меж отраслями, или достигнутый в переговорах и в результате объективного анализа консенсус в интересах общего развития?

Незавершенность установления прав собственности подчеркнута непрекращающимся перераспределением собственности, применением внеправовых методов ее захвата, а также пресловутым законодательством о банкротствах – нашим национальным изобретением. Инвестирование в таких условиях ограничено так же, как ограничен в инвестировании крестьянин с трехлетним сроком аренды.

Развитие финансовых рынков отстает от потребностей бизнеса настолько, что стало серьезным негативным фактором развития бизнеса, – во всяком случае, за пределами экспортного сырьевого бизнеса. Формирование внятной стратегии реструктурирования экономики (в особенности энергетики) только за счет самофинансирования, без развития рынка долгосрочных финансовых инструментов вряд ли возможно.

Не случайно на фоне таких перекосов некоторые особенности инвестиционного подъема воспринимаются как вполне нормальные. Например, только экспортеры (и транспортники) имеют достаточные собственные ресурсы и одновременно доступ к финансированию извне. Между тем у предприятий обрабатывающей промышленности доступ значительно более сложен. Отсюда и различие в типах инвестиционных проектов: по рынкам, по характеру рыночных структур, по рискам управления и способам финансирования. Можно выделить 4–5 достаточно сегментированных инвестиционных режимов, которые требуют различных подходов при реформах и не обязательно согласуются с общим (значительным) улучшением инвестиционного климата в последние годы.

Конечно, во многом это естественные проблемы страны с ВВП в 2,5 тысячи долларов на душу населения, большим сырьевым экспортным потенциалом, высоким уровнем человеческого капитала. Правда, расчеты по паритетам покупательной способности дают более утешительные 7,5 тысяч долларов

«душевых», но в основном этот показатель относится не к производству, накоплению или бюджету, а к уровню личного потребления, и получен в основном за счет переоценки вверх полезности (стоимости) услуг образования, здравоохранения и жилищно-коммунальной сферы.

Дефолт августа 1998 г. сломал трехлетние неудачные усилия по макростабилизации, зато, хоть и крайне дорогим путем, привел к решению основных проблем того периода – восстановлению бюджетного равновесия и переходу к экономическому росту. Фактически Россия начала расти на 4–5 лет позже соседей по Центральной и Восточной Европе, считая от начала кризиса переходного периода (у нас – с осени 1999 г., у них – в 1994 г.).

Макроэкономические основания российского подъема в 1999–2003 гг. имели в целом единую природу; главными же рычагами этого подъема стали двукратная девальвация рубля в реальном выражении, запас незагруженных после длительного кризиса мощностей и высокие цены на нефть. Заметим, что все три фактора в конечном счете являются внешними и для устойчивого роста должны сменяться развитием на базе собственного накопления. Под устойчивым ростом – и это особенно важно для России – понимается не только экологическая, но и социальная составляющая, отсутствие возможных «прерывателей» роста в будущем.

Экономический рост с осени 1999 г. и рост цен на нефть (после их краха в 1998 г.) фактически сняли обслуживание внешнего долга как текущую проблему платежного баланса и бюджета страны. Но она осталась как проблема долгосрочного оттока из России потенциально инвестируемого капитала. Фактически сложилась парадоксальная ситуация: при высоких ценах на нефть правительство выбирает экспортные пошлины у нефтяных компаний и платит по долгам правительствам во многом тех же самых стран, которые российскую нефть потребляют.

Запас незагруженных мощностей в России отмечали все исследователи еще в середине 1990-х годов; он позволил быстро расширить производство и предложение товаров в условиях конкуренции с импортными товарами, доминировавшими на рынке при высоком курсе рубля. Этот фактор роста, видимо, и был причиной определенных иллюзий по поводу возможностей развития без значительных производственных инвестиций. Однако постепенно он исчерпывается. «Незагруженные мощности в промышленности (без учета добывающих отраслей) сократились более чем на четверть – с 65% в 1997 г. до 51% в 2001 г. и 48% в 2002 г. Причем, согласно опросам руководителей предприятий, лишь 30% простаивающих мощностей может быть задействовано для увеличения объема уже выпускаемой продукции, в том числе, при переходе к новым ее видам – не более 20%. Таким образом, реально резерв конкурентоспособных производственных мощностей в промышленности не превышает 15%»¹. Отраслевое распределение инвестиционного роста в 2003 году было более равномерным, но ситуация с расширением мощностей в обрабатывающей промышленности радикально не изменилась. Отметим, что такой запас мощностей в обрабатывающей промышленности примерно соответствует нормальному запасу в рыночных экономиках и не представляется большим. Как показывает опыт развивающихся рынков, в частности стран Центральной и Восточной Европы, экономический подъем дают новые инвестиции, причем в значительной мере – инвестиции в новые предприятия.

¹ А.Р.Белоусов и др. «Особенности механизма промышленного роста в 2001–2002 гг.». – «1000 лучших предприятий России», М.: 2003. – С.26.

Соответственно, постепенно сокращается и роль фактора девальвации. Ее основная положительная роль в 1999–2001 гг. состояла в том, что она дала преимущество национальным российским предприятиям в конкуренции с импортом потребительских товаров (особенно товаров повседневного спроса) и способствовала переносу их производства внутрь страны. В течение нескольких лет уровень «девальвационной защиты» постоянно снижался в силу медленного номинального снижения курса доллара и довольно высокой (15–20%) внутренней инфляции. К концу 2003 г. курс рубля по различным оценкам проделал более половины пути назад к своему завышенному уровню июля 1998 г. Интересно, что ожидания роста конкурирующего импорта оправдываются только частично, указывая на нелинейность связей между курсом валют и конкуренцией – вытолкнуть с рынка окрепшие национальные (независимо от фактического собственника) предприятия будет непросто. Укрепление рубля по отношению к доллару не имело столь большого значения (в долларах деноминирован в основном экспорт), поскольку большая часть импорта в страну идет из зоны евро, который в течение 2002–2003 гг. резко укрепил свои позиции. При сохраняющемся огромном положительном сальдо торгового баланса и нервозности (больше по политическим причинам) на мировых рынках нефти внешнеэкономические балансы выглядят благоприятно, но не содержат большого потенциала для дальнейшего роста. Например, без существенного усиления конкурентоспособности промышленной продукции с более высокой степенью переработки колебания цен на сырьевые товары (особенно на нефть) могут вызвать самостоятельные колебания экономической активности в стране, особенно в бюджете, как это происходит в более выраженном виде в монокультурных странах.

За последние три года значительно возросли реальные доходы населения. При этом уровень социального неравенства оставался устойчивым, и хотя доля населения, живущего ниже уровня бедности, в последние годы снижалась, в 2002 г. она все еще составляла 25%. Коэффициенты Джини в течение всех 90-х гг. практически стабильны на уровне около 40% (латиноамериканский уровень), несмотря на общий рост доходов. Однако произошел отрыв этого роста от повышения производительности труда (практически двукратный). Доходы благоприятного периода страна истратила на рост потребления, а не накопления, - в связи с чем повысились издержки предприятий, что привело, наряду с другими факторами, к снижению рентабельности. «Голландская болезнь» означает в частности и быстрый рост оплаты труда в сырьевых отраслях и давление на издержки в обрабатывающей промышленности, которая не имеет таких условий.

Итоги первого (после начала перехода к рыночной экономике) подъема российской экономики выглядят вполне впечатляюще. Достигнуто равновесие бюджета, решена в общем проблема внешнего суверенного долга, снижено социальное напряжение в обществе. Однако при этом все еще сохраняется значительное социальное неравенство, а также неравномерность в степени развития и экономической динамике регионов.

Средние темпы прироста реального ВВП за 2000–2003 гг. составили около 6%, а норма накопления выросла с 16% почти до 20%. Это происходило на фоне стагнации экономики ведущих развитых государств, причем кризисные явления в Японии и странах Европейского сообщества остаются заметными до сих пор. По динамике последних четырех лет Россия уступает лишь нескольким странам мира, включая Китай и Казахстан. В 2003 году по данным Госкомстата темп прироста реального ВВП достиг 7,3%.

В рамках экспортно-сырьевой модели экономический рост зависит от внешних факторов. Ныне рост сырьевого экспорта сопровождается увеличением золотовалютных запасов государства. Появилась возможность создать резерв или стабилизационный фонд, который, по идее, может компенсировать бюджетные потери при предсказуемом ухудшении мировой экономической конъюнктуры энергоносителей и другого сырья. Но надо осознавать, что такой фонд может подстраховать бюджет государства, но не бизнес и население.

Наращивание экспорта сопровождается экспортом капитала с одной стороны, но и крупными заимствованиями частного капитала на внешних фондовых рынках. При сбалансированном экономическом росте это явление естественное, однако для России на данном этапе ее развития внешний долг частного сектора, перекрывающий сокращение государственного долга, нуждается в мониторинге, анализе, а возможно и коррекции со стороны финансовых властей. Недостаточное развитие частной финансовой системы страны тормозит использование национальных сбережений для целей накопления и экономический рост в целом. Россия остается крупным экспортером прямого капитала – 5,8 млрд. долларов в 2001 и 2002 гг. (на втором месте Чехия – 0,5 млрд.)². Между тем по ввозу прямого капитала Россия по относительным показателям остается на последнем месте в регионе.

В самом общем виде конкурентоспособность России будет напрямую зависеть от темпов и вектора ее модернизации. Для этого необходимы масштабные и болезненные реформы. Улучшение инвестиционного климата и создание эффективных финансовых институтов, в конечном счете, обеспечат условия диверсификации, переток капиталов из ТЭКа и возврат их из-за рубежа, позволят мобилизовать сбережения населения. Но на это уйдет время, причем тем большее, чем дольше мы будем осуществлять административную реформу, реформы в ТЭК и финансовом секторе.

Поскольку капитальная база экономики сосредоточена в экспортных отраслях, то споры вокруг налогового режима, системы финансирования науки и т.д. означают борьбу за ренту сырьевых отраслей и попытки перераспределить ее через государство, раз она не поступает в экономику как инвестиционный финансовый ресурс (по доступным ставкам) через финансовую систему. Бесспорно, общие факторы инвестиционного климата – политические риски, налоговая система и уровень ставок – влияют на развитие всех секторов. Без развития финансовых рынков, на которых экспортные компании могли бы вкладывать свободные средства, сохраняется своеобразная изолированность накопления секторов, затрудненность перелива капитала иначе, чем посредством прямой скупки. По мере стабилизации политической и экономической ситуации и развития прямого инвестирования можно ожидать выравнивания инвестиционных условий для всех секторов. Видимо, должна завершиться волна слияний и поглощений, которая развернулась после кризиса 1998 г. Между тем послеприватизационный процесс перераспределения собственности тянется уже более пяти лет. Закрепление отношений собственности, наряду со снижением политических рисков, должны, в принципе, создать условия для заинтересованности представителей всех секторов экономики страны в приемлемом налоговом и торговом режиме.

В отраслевом разрезе рост последних лет не подкреплялся формированием производственно-технологических заделов, который обеспечивали бы устойчивость их развития в будущем. Не появилось и новых экспортных товаров

² См. “World Investment report”, UNCTD, 2003. – С. 60–61.

с высокой степенью обработки. Проблема использования человеческого капитала страны не решена. Несмотря на отдельные достижения в жизни и в экономической политике, нет четкой действующей стратегии развития ТЭК, наукоемких отраслей и финансового сектора. Проблемы промышленной политики периодически возвращаются в фокус общественного внимания, но превалирует все-таки идея быстрого формирования единого инвестиционного режима для всех отраслей, типов проектов и регионов.

После краха 1998 г. правительство проводило достаточно последовательную макроэкономическую политику, но пока не смогло найти путей обеспечения решения проблем, отмеченных в Правительственной программе. «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 годы) направлена на обеспечение устойчивого повышения уровня жизни населения и высоких темпов экономического роста, снижение социального неравенства, дальнейшее утверждение экономической и политической роли страны в мировом сообществе. Достижение этих целей возможно только при значительном повышении конкурентоспособности России, в том числе конкурентоспособности государственного управления, бизнеса и «человеческого капитала». Фактические данные по миру за 1961–2001 годы показывают, что средний уровень нормы накопления в развитых странах в последнем десятилетии постепенно снижался с 27% до 22%, что отражало новые условия накопления в постиндустриальном мире. Необходимость создания дорогостоящей инфраструктуры экономики, обеспечение будущего постиндустриального развития, естественно, требует больших затрат. Общая норма накопления в странах со средним (и низким) уровнем дохода, обеспечивших быстрые темпы роста в обозримом прошлом, составляет 27–28%. С учетом износа старого основного капитала, Россия может считать себя в состоянии инвестиционного бума не по индексам бирж, а по масштабам реального накопления. Россия в 2003 году вышла на уровень порядка 20%. Между тем установление высоких рейтингов еще не означает решения проблемы финансирования широкого накопления.

Правительственная Программа признает: «Доступность долгосрочных инвестиционных и кредитных ресурсов – важнейшее условие модернизации и диверсификации экономики. **В настоящее время российская финансовая система в значительной мере удовлетворяет потребность экономики в краткосрочных инвестиционных и кредитных ресурсах, но пока не способна предоставлять в достаточной мере долгосрочные ресурсы**».³

Серьезным препятствием для ускорения роста российской экономики в 2004 г. будет стагнация экспорта. Хотя по итогам 2003 г. выраженный в долларах объем экспорта, согласно Консенсус-прогнозу, вырастет на экстраординарные 16,5% (больше было только в 1995 и 2000 гг.) и достигнет рекордных 125,4 млрд. долл., этот рост объясняется чрезвычайно благоприятной конъюнктурой в начале года. Уже в 2004 г. стоимостной объем экспорта должен снизиться на 3,0%. Прогнозируемое падение экспортных цен приведет к тому, что динамика физического объема российского экспорта будет более благоприятной, чем динамика экспорта в текущих долларовых ценах⁴. Тем не менее, возможности

³ «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 годы)», утверждена распоряжением Правительства РФ №1163-р от 15 августа 2003 г.

⁴ В частности, согласно Консенсус-прогнозу, средняя цена одного барреля нефти Urals уменьшится с 27,2 долл. в январе–октябре 2003 г. до 22,9 долл. в 2004 г. (Центр Развития).

ускорения экономики России за счет наращивания внешнего спроса, по мнению участников опроса, на данный момент исчерпаны.

Решение многих проблем страны в ходе подъема поставило вопрос о дальнейшем развитии, целях роста, масштабах амбиций страны. Еще летом 2002 года политическая и финансовая элита России столкнулась с той проблемой, что как политические, так и экономические достижения России в период после краха 1998 года носят явно половинчатый, незаконченный характер и никого более не удовлетворяют». Более того, «формируется понимание, что последние два года роста и реформ не создали основы для полноценного развития российской экономики, которое вело бы к широкой модернизации в целом»...

Выделим несколько объективных - «раздражающих» и власти, и элиты - факторов:

- замедление роста (нормальное для нашего типа развития) в 2002 г., которое показало малую вероятность быстрого непрерывного роста;
- постоянное ожидание падения цен на нефть и осложнения бюджетных проблем;
- трудность удержания позиций страны на «политизированных» экспортных рынках; отсутствие новых обработанных экспортных товаров;
- серьезный конфликт интересов естественных монополий и ряда перерабатывающих отраслей в области тарифной политики;
- относительно низкая капитализация крупных российских компаний, раздражающая как частных собственников, так и государственных менеджеров, и ограничивающая заимствования;
- неравномерность развития регионов, что порождает такие социальные язвы, как нищета;
- ограниченность ресурсов для ликвидации техногенных и иных чрезвычайных ситуаций; постоянная угроза масштабных аварий в изношенной городской и промышленной инфраструктуре;
- нехватка средств для структурных реформ, включая военную;
- нехватка средств для фундаментальной науки, что приводит к «утечке мозгов» и не дает развиваться инновационным направлениям.

Список подобных «раздражителей» можно продолжать и детализировать. В целом данная ситуация характерна для кризиса переходного периода, но именно экономический подъем делает актуальной попытку ее разрешения.

Политическое соперничество в канун выборов и шанс пересмотреть экономическую политику, естественно, ускорили процессы переосмысления перспектив развития страны. Указанные выше «раздражающие» факторы постепенно снизили ожидания бурной модернизации на базе единого инвестиционного климата (в рамках преимущественно макроэкономического подхода). Фактически это символизирует переход к новой ситуации: наступает период прагматизма и поиска смешанных решений в рамках промышленной политики.

Широкая дискуссия о векторах развития страны была начата в январе 2003 года Манифестом Серафимовского клуба, который отметил слабость государства, отменил традиционный инструментарий промышленной политики, потребовал от государства принять ответственность за ускоренный экономический рост и осудил элиту за «губительное равнодушие». Ключевым же моментом в дебатах стало Послание Президента РФ в мае 2003 года, где была поставлена задача удвоения ВВП к 2010 году. Возникла дилемма: ждать возможного ускорения роста в среднем до 8% в 2004–2010 годах или искать оптимальные варианты ускорения. Политическая задача ускорения роста («удвоение ВВП») предполагает

и более высокое качество роста, а не удвоение нынешней экономики в нынешней ее структуре.

Мы далеки от мысли, что можно написать новую простую радикальную программу – панацей ни на макро, ни на микроуровне не бывает. В этом и разница между мучительной профессиональной работой и политическим лозунгом. Сегодня поиски рецептов экономического роста повернулись от идеи достижения макроэкономической стабильности, она есть, но этого недостаточно, к идее промышленной политики. Последняя трактуется по-разному, поскольку предыдущие годы она по недоразумению рассматривалась как антипод либеральной политике и изучалась совершенно недостаточно. Скрытая угроза со стороны промышленной политики всегда существует – это нарушение бюджетной устойчивости ради масштабного расходования средств. Основное различие частной (на уровне компании или группы) и государственной политики выбора отраслей для проектов лежит не в области информационных ошибок: неточный прогноз стратегии развития, недостаток исходных данных и т.п. Различие лежит в области ответственности: риска расходования «своих» против риска расходования «чужих» (читай: государственных) средств. Заметим, что в современной экономике мало осталось чистых отраслей или фирм, работающих строго в одной узко определенной отрасли. Ирландский опыт поддержания бизнеса в области высоких технологий вряд ли можно рассматривать как отраслевой. Во всяком случае, иметь явно сформулированную политику лучше, чем терпеть индивидуальный лоббизм по проектам, полностью скрытым от общественной экспертизы и контроля (как пресловутый проект «Высокоскоростной магистрали» между Москвой и Петербургом).

На Западе традиционная промышленная политика на уровне отраслей за послевоенный период постепенно трансформировалась в «национальную политику конкурентоспособной промышленности» и регламентирована соответствующими рекомендациями Европейского Союза и Организации Экономического сотрудничества и развития. Шесть принципов этой политики представляются вполне актуальными и для России:

- необходимо осуществить кардинальный переход от единой государственной промышленной политики к национальной политике конкурентоспособности, при которой равноправными участниками ее разработки выступают государство, бизнес, научные организации и общественные институты;

- новую промышленную политику детерминирует переход к экономике знаний («knowledge based economy»), в которой производство, распределение и использование знаний и информации признаются главными условиями устойчивого экономического роста;

- традиционные ресурсоемкие отрасли промышленности имеют убывающее значение, возрастает роль наукоемких, высокотехнологических отраслей с высокой добавленной стоимостью;

- промышленная политика не может фокусироваться на отдельных отраслях и масштабных субсидиях в условиях сбалансированных и ограниченных бюджетов;

- внимание федеральных и региональных властей должно быть сосредоточено на формировании такой институциональной и предпринимательской среды, которая повышает адаптивность, инновационность фирм, поощряет их к развитию новых рынков и стимулирует вхождение на рынки новых компаний;

- в условиях глобализации макроэкономическая и институциональная политика оказывает все большее влияние на результативность промышленной политики, государство несет возрастающую ответственность за качество национальной предпринимательской среды, которое не должно уступать

среднемировому, в противном случае неизбежно ухудшение национальных позиций в глобальной экономике.

Реализация такого подхода оставляет достаточно широкие и эластичные возможности для решения национальных проблем без шарахания от одной крайности к мобилизационным вариантам развития с низкими шансами на успех. Во всяком случае, данные принципы никак не мешают применению развитыми рыночными экономиками довольно широкого инструментария, в том числе и «с отраслевыми оттенками». Этот инструментарий по организационной мощи, детализации и разветвленности настолько превосходит российские возможности в этой области, особенно учитывая слабость нашего государственного аппарата, что на овладение им понадобится срок жизни целого поколения.

Отмеченные Президентом важность борьбы с бедностью и реформа армии выступают скорее как заголовки нескольких комплексных проблем. Бедность, по всей видимости, это общий символ для проблем наркомании, СПИДа, бездомных детей, а также специфически российской проблемы – бедности образованных людей. В этом отношении меры борьбы с бедностью различны – не только за счет увеличения бюджетных возможностей, но и за счет более широкого доступа к предпринимательству. Рост среднего класса может быть стимулирован и налоговыми мерами. Достигнув ВВП на душу населения примерно в 10–15 тысяч долларов, необходимо повысить его долю с 20–25% до уровня, характерного для развитых европейских стран, то есть 50% и более. Помимо прочего, это обеспечило бы в стране более устойчивую демократию.

Реформа армии – символ поддержания эффективной оборонной политики в долгосрочном плане, способности производить современные вооружения, обеспечивать развитие фундаментальной науки.

Характер принятых программ будет определяться политиками, балансом реальных сил и интересов, а не чисто рациональным решением задач экспертным сообществом. Однако это сообщество призвано определить разумные рамки возможных решений, осмыслив мировой опыт и инструментарий. Важно, чтобы жизненность ключевых лозунгов партийных программ можно было проверить конкретными законодательными шагами, сопутствующими расходами и доходами. А также соотнести с побочными эффектами, увязать действия на микроуровне с макроэкономическими ограничениями. Важно подвергнуть общественной экспертизе на том или ином этапе всю цепочку подходов: «политика – программа – крупные проекты». Времени для этого впервые достаточно, поскольку выработка программы будущего правительства началась заранее.

Можно ожидать, что помимо продолжения структурных реформ новой Думе предстоит вместе с правительством разрабатывать долгосрочную политику роста конкурентоспособности страны, которая не может реализовываться в рамках парламентского цикла, а требует преемственности экономической политики в течение хотя бы 10–15 лет.

ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович
Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН